

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДЕВОЧКИ МОИ

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

**ДВЕ ЖЕНЩИНЫ
В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

ПОД КРАСНОЙ КРЫШЕЙ

ПРИСНИСЬ

ГНЕЗДО АИСТА

КАК В КИНО

ЖИВАЯ ВОДА

ПО ДОРОГЕ В КНИЖНЫЙ

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**ПО ДОРОГЕ
В КНИЖНЫЙ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Дизайн переплета *Юрия Щербакова*

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 По дороге в книжный / Юлия Лавряшина. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225809-1

Вначале было слово... И оно разрушило мир семьи, где все, казалось, понимали и берегли друг друга. Виной этому страх, который всегда жил в глубине души Ляны и отравлял всю ее жизнь. Как он зародился? Почему свой мир она построила из прочитанных книг? В нем живут ее маленький сын, прогулки под дождем, воспоминания о том единственном человеке, который все еще зовет ее «просто покататься». А она делает вид, что не ждет его...

К своей мечте Ляна идет, как Русалочка, испытывая боль от каждого шага. Хватит ли у нее сил дойти?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225809-1

Часть 1

* * *

Мы плывем по самому дну океана... Только глубинного спокойствия здесь нет и в помине, машина окружена яростными потоками воды — чистой и холодной. Узкие упругие струи бьют по лобовому и боковым стеклам, заставляя дворники истерично метаться. Но им не справиться, ливень слишком силен: природа ждала целую зиму, чтобы выплеснуть на головы людей весь накопившийся гнев.

— Заслуженно, — ворчит Егор. — Мне одному кажется, что мы недостойны жизни на этой дивной голубой планете, которую человек пытается измазать красной горячей кровью?

Моему бывшему мужу удастся произносить витиеватые фразы так, что они звучат вполне естественно и не создается впечатления заготовки. Хотя он не артист и в жизни не выходил на сцену... Впрочем, мы расстались полгода назад, возможно, за это время что-то изменилось, а он скрыл от меня. Я не выслеживаю Егора, о его жизни мне известно сейчас лишь то, чем ему самому хочется поделиться. Пожалуй, он мог бы подвизаться на артистическом поприще, ведь в нем бездна обаяния! Когда Егор улыбается, хочется остановить мгновение, так оно прекрасно...

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

В этом-то и беда.

С которой я борюсь как умею:

— Когда ты говоришь с подобным пафосом, мне кажется, что я снова оказалась на уроке истории.

— Господи, — стонет он. — Забудь ты уже эту школу!

— У нас был молодой учитель. В его груди пылал похожий праведный огонь.

— А, ты была влюблена в него?

На самом деле его это не волнует. Нет, мы не стали врагами и даже часто видимся, ведь Егор любит нашего сына и остается настоящим папой, не только воскресным. Да и когда у него случаются приступы депрессии, вот как сегодня, он по-прежнему приезжает именно ко мне и зовет «просто покататься». Раньше я думала, что невозможно перестать быть супругами, но остаться друзьями... Да что там! Я и теперь так считаю. Мы не друзья. Ведь я все еще люблю его, а он меня нет. Именно поэтому мне так хочется навечно остаться на этом дне в плену апрельского ливня.

Но дома меня ждет наш сын...

— Ничего подобного. Чтобы запомнить человека, не обязательно влюбляться в него, — произношу я небрежно.

Знал бы он, каких усилий мне стоит не разрыдаться и не уткнуться ему в колени...

В голосе Егора звучит задумчивость:

— А тебе не кажется, что мы помним именно тех, кого любили или ненавидели?

В такие минуты он смешит меня невероятно... Ну невозможно выдавать подобные банальности на полном серьезе! А ему удается. И все равно я люб-

ПО ДОРОГЕ В КНИЖНЫЙ

лю его... Человека, которого считаю не особенно умным. Мне одной это представляется абсурдом? Или сейчас во мне просто говорят обида и желание оттоптаться на бывшем муже, как поступают девяносто процентов женщин? Может, это я всего лишь одна из миллионов, а Егор вовсе не дурак?

— Ерунда, — отзываюсь тем же тоном. — Я всех учителей помню. И одноклассников. Но никто из них не вызывал у меня пылких чувств.

Егор бросает на меня взгляд, выражающий сомнение, хотя улики против меня у него нет. Никогда не откровенничала с ним о школьной любви, потому что ее и не было. Он стал моей первой любовью. Очень надеюсь, что не последней, хотя пока все говорит как раз об этом...

Торопливо перевожу разговор:

— Может, стоило взять Мишку с собой?

— Он же спал! Когда проснется, ты уже будешь дома.

Значит, наше утреннее свидание, если можно так назвать незапланированную поездку под дождем, не затянется надолго. А ведь разговор еще толком и не начался...

Вдруг замечаю, как на узкой полоске тротуара, отрезанного кюветом, под дождем танцуют две девчонки лет двенадцати. У них есть зонт — полосатый, яркий, — но они обе промокли до нитки, и это веселит их. А разноцветный купол валяется в луже и тоже выглядит вполне довольным. Воздетые тонкие руки извиваются среди струй, хохочущие рты ловят капли... Девчонки кажутся такими бесшабашными и счастливыми, что я невольно думаю: «Никогда не была такой...» В их возрасте я жила в детском доме,

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

и в моей жизни не было ничего, что побудило бы меня танцевать под дождем.

— Смотри! — неожиданно вскрикивает Егор, но оборачивается в другую сторону, не выпуская руля.

Быстро повернувшись, я успеваю заметить среди высоченных сосен, промеж которых выросли и особняки, и бревенчатые завалюшки, застенчиво краснеющий черепицей двухэтажный дом скромных размеров. Он бросается в глаза потому, что его стены расписаны граффити. Нарисованный волшебный лес естественным образом сливается с настоящим, жилище кажется частью природы.

Именно о такой отделке нашего будущего дома мы когда-то мечтали с Егором...

— Именно о такой отделке мы с тобой мечтали, помнишь?

— Конечно. Ты же убедился, что у меня память как у слона.

Неужели он не понимает, как больно мне вспоминать? Или ему нравится быть таким жестоким? Не может быть, никогда не замечала за ним этого...

— Наш дом отличался бы ото всех. — Егор произносит эти слова с неуместной гордостью. И добавляет с обидой, звучащей по-детски: — Но ты боялась, что рисунок смоем первым же дождем и все наши старания насмарку. А вот же! Смотри, какой ливень, а краскам хоть бы хны...

— Мы так и не построили свой дом... Что нам было раскрашивать?

— Тоже верно, — бормочет Егор, но даже его согласие звучит укоризненно. — Нечего. А смотрится классно, правда?

Я только киваю. Что тут скажешь?

ПО ДОРОГЕ В КНИЖНЫЙ

Иногда мне до сих пор снится наш непостроенный дом. Но Егору я не рассказываю, как ночами брожу по комнатам, ладонью глажу лакированные перила лестницы, жду его со свежим чаем на небольшом балкончике с изящными балясинами. Мы представляли, как будем смотреть на закат и разговаривать, разговаривать... Даже если когда-нибудь один из нас возведет такой дом, он уже не станет *нашим*.

— Что для тебя было важнее, — осторожно спрашиваю я, — дом сам по себе или чтобы он отличался от остальных?

Настороженный взгляд, метнувшись в сторону, не достигает моего лица. Егор с досадой поджимает губы. Мы были женаты девять лет, а я так и не научилась смотреть на его улыбочивые губы и не замирать от нежности. Пусть говорит что хочет, даже орет на меня, как было всего-то раз за все годы нашего брака, только бы видеть, как они двигаются. Тогда я, беременная, решила самостоятельно приколотить новую книжную полку, полезла на стремянку и чуть не навернулась с нее. А Егор как раз вернулся откуда-то и перепугался до смерти... Только ужас мог заставить его закричать на меня.

Он опять отрывает взгляд от дороги, чтобы взглянуть мне в глаза:

— Почему мне чудится двойной смысл в твоём вопросе? Говоря о доме, ты имеешь в виду себя? Наш брак?

— Ничего подобного! Я спросила о доме, и только...

— Я считаю, ты отличаешься ото всех, если тебя и в самом деле это волнует.

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

— Не то чтобы... Но это приятно, спасибо!

Егор отзывается насмешливо:

— Это тебе спасибо за то, что ты такая. Жаль, что наш сын не похож на тебя.

— Разве тебе не хотелось, чтобы Мишка стал твоей копией?

— Вот! — Он вскидывает указательный палец и грозит дождю. — Это еще раз доказывает, до чего же плохо ты меня знаешь. Как мы ухитрились прожить вместе десять лет...

— Девять.

— ...и не узнать друг друга как следует?

— Но объективно ты же красивей меня...

Мне нравится, что Егор не кокетничает и не пытается возразить. В самом деле, только человек, лишенный зрения, может не заметить обворожительной прелести его лица, с чертами правильными, но не до такой степени, когда это отталкивает. У моего бывшего мужа глаза теплого чайного цвета, как в той старой песне, кажется, из шестидесятых... Когда он вот так серьезно смотрит исподлобья, немедленно хочется погладить по голове. Пшеничные волосы по густоте напоминают поле, заблудиться бы в них тихой вошкой... Прямой нос самую малость вздернут, в этом чудится нечто ребяческое, да еще и овал лица остается юным, а вот мне уже приходится морщиться перед зеркалом. Меня никогда не приводило в восторг то, что я там видела: смуглая кожа, чуть выпяченный подбородок, круглый нос, черные штрихи глаз. Откуда во мне эта восточная кровь? Ничего я о себе не знаю...

— Представь себе, я тоже не догадывался, что ты подозреваешь меня в желании захватить сына

ПО ДОРОГЕ В КНИЖНЫЙ

целиком! Твои мысли для меня темный лабиринт, в который нет хода.

Дурашка... Все мои мысли сейчас заполнены тобой. Иногда это становится невыносимым, ведь Мишке приходится бороться с собственным отцом за место в моей голове.

— Неправда! Я всегда откровенна с тобой. Ну, почти всегда.

— Ага! — Егор обрадованно ерзает. — Дьявол кроется в деталях, да? Твое «почти» говорит больше, чем все откровения...

— Неужели?

Он улыбается уголком рта:

— Ерничает? Знаешь, мне здорово не хватает сейчас твоего сарказма.

«Тогда зачем ты ушел? — вертится у меня на языке. — Ты же мог наслаждаться вечно...»

Наша машина уже плывет — вместо дороги образовалась настоящая река. Егор даже не догадывается, как хочется мне утонуть в ней, чтобы сердце больше не рвалось на части. Звучит как в дешевой мелодраме, но я и в самом деле ощущаю, как надывается моя живая плоть: кто выдержит столько боли? Но Егору невдомек, что происходит со мной и во мне. Наивность этого взрослого мужчины хуже откровенной жестокости: он уверен, что я действительно рада видеть его, как любого из своих друзей. Потому что для него я и вправду только друг.

Ладно, я постараюсь...

— Что у тебя случилось на этот раз?

Краешек губы дергается книзу, его больше не тянет улыбаться. И я догадываюсь, о ком пойдет речь, еще до того, как Егор произносит:

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

— Она прилетает.

Уточнять не имеет смысла. В мире существует единственная «Она», и это его мать. Женщина, которую мне искренне хотелось полюбить всей душой, ведь родной матери я не знала. Но уже наша первая встреча обнажила пропасть, преодолеть которую мне так и не удалось, а ей и не захотелось. И все потому, что я оказалась совершенно не похожа на нее, и она сочла это чуть ли не оскорблением.

Но еще хуже было то, что Егор оказался ее мужской копией... Вот только глаза у нее голубые, неестественно яркие, как весеннее небо. В первую встречу я даже подумала, что Василиса (вообще-то Михайловна, но она предпочитает, чтобы к ней обращались без отчества) носит цветные линзы. Но я ошиблась...

В тот день она примчалась знакомиться со мной на желтой спортивной машине, из которой выскочила легко, как девочка: подтянутая, пышно-волосая, как Егор, длинноногая, уверенно шагающая на каблуках и в юбке выше колен. А я всей кожей ощутила, какие на мне дешевые джинсы и кроссовки из эконом-магазина... Отчетливо увидела свое отражение в ее неземных глазах: уборщица-таджичка, да и только! Уже в тот момент и родилось сомнение в том, что Егор может полюбить меня искренне, ведь он так походил на свою мать.

Он до сих пор не передал, как отозвалась обо мне Василиса Прекрасная... Премудрой я ее никогда не считала, ведь она в жизни своей не прочла ни одной книги. Ну, может, лишь букварь... Хотя душой ее тоже не назовешь, но ее ум — природный,

ПО ДОРОГЕ В КНИЖНЫЙ

как у собаки, не обогащенный накопленными знаниями человечества. Подозреваю, что меня она всегда считала душнилой... Да-да, подростковый сленг и сейчас присутствует в ее речи. Да и во многом другом она продолжает ребячиться, гоняясь за развлечениями, которые ей давно не по возрасту: горные лыжи, сплав на байдарке, стрельба из лука... И эти вечные мини-юбки и шорты, как будто цель ее жизни – продемонстрировать всей планете, как прекрасны ее ноги! Правда прекрасны.

Учитывая все это, мне так и не удалось понять, почему Василиса имела такое влияние на сына, ведь Егор из тех, над кем иронизируют в анекдотах: «А поговорить?» О чем он разговаривал с матерью, пока не было меня? Даже представить трудно...

И тем не менее Василиса всегда имела на сына такое влияние, что мне казалось, будто я украла грудничка, еще не насытившегося материнским молоком. День отлета моей свекрови с любовником в Штаты стал для меня обретением вольности, какой я не захлебывалась с момента прощания с детдомом. Я верила, что уж теперь-то ничто не помешает нашему с Егором счастью...

И вот Василиса возвращается. Удерживаю вопрос «Зачем?» и спрашиваю:

- Когда?
- Завтра. Уже...

Он произносит это так жалобно, что я едва справляюсь с рукой, которая так и тянется погладить гладкую щеку – моя ладонь помнит, какой она становится после бритья... Может, он ждет этого, но я удерживаю руку, хотя понимаю: Егору до сих

пор больно из-за того, что мать бросила его, а ведь прошло несколько лет. Впрочем, о чем я? Моя рана до сих пор кровоточит, а я даже не знала своих родителей...

В первые дни после ее отлета Егор в прямом смысле слова рвал и метал: клочки каких-то бумаг усеяли пол, но убрать он мне не позволил, видно, не хотел, чтоб я прочла хоть слово. Может, это были письма матери? К нему или к мужу, которого Василиса бросила умирать в хосписе?

И тут до меня доходит, что теперь наш развод неминуем... Василиса настоит на этом, можно не сомневаться, ведь ситуация самая благоприятная. И без того непонятно, почему Егор все тянет и не ставит последнюю точку.

Но сейчас обсуждать это не стоит, и я уточняю:

— Надолго?

— Она не сказала.

— Может, всего на пару дней? Ты справишься...

— Смеешься? Стоит заморачиваться с перелетом из Флориды, который сам по себе проблематичен сейчас, я уж не говорю о десятке или сколько там часов в самолете, чтобы провести в Москве пару дней?

Как ему удастся произносить километровые предложения на одном дыхании? Но этой сетью слов Егору меня не опутать, я догадываюсь, чего он хочет, и произношу со всей категоричностью, на которую только способна:

— Мишку я ей не дам.

— А кулаки зачем?

Только сейчас я замечаю, что мои руки действительно сжались, как перед боем. Я расслабляю

ПО ДОРОГЕ В КНИЖНЫЙ

пальцы, провожу ладонями по джинсам, но Егор уже успел заметить.

— Я и не прошу тебя...

— Нет! Ты хочешь подсунуть ей вместо себя сына. Не выйдет. Это твоя мать, мучайся с ней сам.

От злости Егор давит на газ, и от машины разлетаются целые фонтаны брызг. В лобовое стекло ударяет плотная струя, и мы опять оказываемся то ли на дне, то ли в аквариуме. Я невольно вжимаюсь в спинку сиденья.

Сбросив пар, он успокаивается и произносит ровным голосом:

— А ты даже не допускаешь мысли, что мама соскучилась по своему единственному внуку?

— Соскучилась? Когда она его видела в последний раз? Еще в пеленках?

— Не совсем...

— Для нее существует только один ребенок — ты. — Я тоже стараюсь говорить спокойно, чтобы это прозвучало убедительно. — Ее никогда не будут интересовать другие дети. Я через это прошла. И не заинтересовала ее...

— Но ты не была ребенком!

Он сам тут же умолкает, прикусывает нижнюю губу, сообразив, что сболтнул глупость.

Мне еще не было двадцати лет, когда мы встретились, и я, конечно же, была ребенком, отвергнутым его прекрасной матерью. И остаюсь им, как любой человек, не знавший своих родителей и не проживший закономерную стадию взросления в коконе их любви. Я все еще жду, когда кто-нибудь донянчит меня...

— Извини, Лянка, — бормочет Егор.